

Белорусский майдан

20-21 марта

МАЙДАН

ЧАСТЬ 1. ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Я пишу эти строки 22 марта в 0.48. За последние сутки я спала всего 2 часа. Полтора часа назад меня отпустили из отделения милиции. Я до сих пор не знаю, где мой брат, который нес людям, стоящим на площади, еду.

Возможно, они и сейчас еще стоят там, на Октябрьской площади, кольцом сцепившись, намертво взявшись за руки вокруг маленького палаточного городка, чтобы защитить его своими телами. На Минск падает десятиградусный мороз. Подкрепление не придет, никто не прорвется через ментов и гэбэшников в штатском, блокирующих все входы и выходы на площадь. Никто не сможет пронести им горячий чай или спальный мешок. В этом я пару часов назад убедилась на собственном опыте.

Многие из них стоят уже больше 15 часов. А кто-то и больше суток. Скоро их просто начнет убивать мороз. Очередная «элегантная победа» режима.

За эти два дня я как будто повзрослела лет на 10. Эти дни вместили очень многое и возможно, изменили мою жизнь больше, чем я могу сейчас подумать.

В эти дни я узнала, что значит Переступить страх, что значит Любить и что значит Ненавидеть. И как это бывает, когда рушится вся жизнь. Кое-что, из того, что я узнала и почувствовала, я никогда, НИКОГДА не смогу забыть. А кое-что не смогу простить. Сколько буду жить—будут жечь меня эти воспоминания. Наверное, это были самые сильные потрясения в моей жизни.

Оно было синее, такое синее, какого цвета я никогда не видела. Когда буду умирать, я постараюсь вспомнить это удивительно синее небо над Октябрьской площадью в Минске. Вечером, 20 марта, когда начался наш белорусский Майдан.

Уже сейчас на участников палаточного городка выливаются реки лжи. Мол, и спланировано это все было заранее, и стоят там все обкуренные-обколотые пропитые отморозки. И власти даже называют суммы, которые нам якобы заплатили. Что обидно, похожей политики придерживаются даже многие российские СМИ. Лично для меня это—как нож, всаженный в спину человеком, которого ты считал своим другом.

Здесь я буду писать правду и только правду. Можете считать это самой точной информацией. Я была в числе первого десятка человек, которые под светом телекамер и блицами фотоаппаратов начали ставить палатки. Так получилось. Теперь мне уже всё равно грозит тюрьма, причем 15 сутками не отделаюсь. Но чем бы это ни закончилось, я не жалею о своём решении.

Итак, небо над Октябрьской. Когда там 20 марта собралось 10 тысяч человек, оно было прозрачно синее, в нем рождались первые искры звезд. Александр Милинкевич, стоя на ступенях Дворца профсоюзов, кричал в микрофон о том, что выборы были незаконные, что на избирателей оказывали давление, что происходили массовые фальсификации. Потом включили музыку, и над огромной площадью поплыл, печальный и строгий, Полонез Огинского. “Развітанне з Радзімай”. Мы подпевали, тихо, торжественно как будто это был гимн.

Вот тогда во мне что-то сломалось и ушло. Горло сдавило тугое рыдание. Запрокинув голову, глядя сквозь пелену слез в высокое небо, я слушала слова, как будто написанные про нас:

Ростань на ростанях краіны,

Раніць думкі шлях абраны,

Прагне сэрца ў родныя мясціны,

І радзімы вобраз ажывае растрывожанаю ранай...

Зноў

Залунае наш штандар,

Палыхне ўначы пажар,

І паходнаю трубай

Зноў пакліча нас з табой на мужны бой мая краіна—

Край адзіны,

За яго ў выгнанні

Шлях вяртання,

Шлях змагання.

Это была не просто песня—она звала и просила. И мы её не подвели.

После песни что-то еще говорили там, на ступенях. Но главные события произошли не там, а в с самой гуще народа. Когда люди внезапно раздались, освобождая место, и на асфальт упали первые палатки. Среди них была и моя. Их начинали ставить 5 человек. Я не успела туда подойти—из толпы вдруг выскочили крепкие ребята с толстыми невыразительными лицами, в черных шапочках. Они остервенело топтали палатки ногами, ломали дуги, хватали и уносили спальники и палатки, пытались ударить раскладывающих. Действовали очень слаженно и четко.

Что-то людям удалось вырвать из рук, но большинство вещей они унесли. К счастью, это была лишь первая партия. Потом люди просто встали вокруг нас стеной, крепко сцепились за локти, друг за друга и никого не пускали внутрь. Тех, кто пытал прорваться, оттесняли плечами.

А провокаторов, гэбэшников в штатском было много, страшно много. Они стайками стояли вокруг. А некоторые цепляли наши значки, “за свободу” и пытались втихую влиться в оцепление.

И вот, за этой живой стеной—оцеплением-- мы разбили свои палатки. Четко помню момент, когда я стояла в оцеплении, колебалась, идти ли внутрь, и меня позвала Светка, моя подруга, которая уже работала там.

Никаких особенных эмоций я тогда не испытала. Просто шагнула в середину и взялась за дугу, помогая ставить палатку. Потрясение пришло позже. Сначала я прятала лицо под капюшоном, потому что множество видео-и фотокамер целились нам прямо в глаза. Потом я решила, что это какой-то половинчатое решение: чего уж тут останавливаться. И сняла капюшон.

Мы поставили палатки, расстелили коврики и сели на них. Вот тогда меня начало трясти. Пришло осознание того, ЧТО мы сделали. И того, что вся моя предыдущая жизнь, очень возможно, в этот самый момент уходит песком сквозь пальцы. Вся! И интеллектуальные игры, и детский клуб, который был моей радостью столько лет. И обеспеченное существование, и работа в научном журнале, и друзья, и книги, и родители. И любимый Минск. И, возможно, Беларусь... и возможно, свобода.

Я старалась прятать слёзы под капюшоном, чтоб не видели журналисты. Некрасивое это зрелище, когда человека трясёт и выкручивает от рыданий.

Потом успокоилась: что сделано, то сделано. Назад дороги нет. В самом деле, стоило ли читать в детстве такие хорошие книги и слушать такие хорошие песни, чтобы потом в жизни оказаться «не при чем»?

Оставалось сделать только одно, и я это сделала. Позвонила, человеку, которого я люблю уже два года, и сказала ему об этом. Давно хотела, но не могла решиться. А сейчас уже бояться нечего.

ЧАСТЬ 2. «ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО» и кое-что о лжи.

Сначала вокруг нас было очень много народу, стояло плотное кольцо. На крыльце играла музыка, журналисты

подходили брать у нас интервью. Я говорила с корреспондентом «Евроњьюс» и грузинскими тележурналистами, с корреспондентом НТВ. Не очень-то это радовало, честно говоря, но они почему-то довольно часто подходили ко мне.

После 23.00 музыку выключили, потому что закон запрещает громкую музыку ночью. Мы стремимся соответствовать закону во всём, даже в мелочах. Потому что знаем: любую мелочь могут обратить против нас. А если не найдут мелочь—придумают.

После двенадцати люди стали расходиться, потому что вскоре прекращало работать метро. Нас оставалось всё меньше и меньше, но оцепление стояло замечательно, просто-таки насмерть.

Ночью стали приходить люди с термосами горячего чая. Это были, как правило, пожилые женщины и мужчины из ближайших домов. Пройти к нам с самого начала было непросто. Чтобы не дать народу нас поддержать, милиция задерживала на подступах любого, у которого обнаруживала термос, еду или спальник. Но как-то они умудрялись. Помню двух пожилых женщин, которые притащили три термоса с горячей водой. Они целовали нас и сказали, что будут молиться за нас. Под утро пришел совсем старый дедок с мятым целлофановым пакетиком. В пакете оказались вареная колбаса и хлеб. Дедушка сказал: «Простите, что так мало: это все, что было в холодильнике».

Если бы не эти люди, нам было бы тяжелей. Сейчас милиция перехватывает их и дает за термос чая или спальник 10 суток. По вчерашним данным в Интернете, задержано уже более 100 человек.

Чем мы занимались в центре круга? Ходили, общались друг с другом. Сидели кружком, пели песни. Самой первой мы спели «Прекрасное далеко». Она тоже была как будто про нас. Какие-то радийщики сунули нам микрофон и записали.

У меня сорвалось горло на словах

: «Слышу голос, голос спрашивает строго:

А сегодня что для завтра сделал я?».

Эту песню, в окружении людей, закрывающих нас своими телами, я тоже постараюсь запомнить на всю жизнь. Этот вечер был, пожалуй, самое лучшее и важное в моей жизни.

Мой рассказ будет во многом опровержением всей лжи, которую обрушивают на нас белорусские и некоторые русские СМИ. Итак, ЛОЖЬ, что наша акция—антироссийская, что мы ненавидим Россию. Среди нас были россияне из Москвы, с русским триколором. Наш майдан начинался не только под белорусские песни. Дружнее всего мы пели «Перемен», «Группу крови», «Звезду по имени солнце» Цоя. И «Просвистела» ДДТ. Пели «Атлантов» Городницкого, «Книжных детей» Высоцкого, «Идиотский марш» Медведева. Пели «Крылатые качели».

Наш протест— против лжи и диктатуры, против фальсификации выборов и исчезновения людей, избиения журналистов. Против Советского Союза, который хватает нас за ноги из своей казалась бы глубокой могилы.

Хочется спросить россиян: неужели вам нужен такой союзник, как Лукашенко? Союзник, выбираемый по принципу : «хоть сволочь, зато наша сволочь»?

Тем россиянам, которые стояли в оцеплении плечом к плечу с белорусами, такой союзник не нужен.

А ещё с нами было несколько украинцев, которые сумели- таки просочиться через границу с флагом. Был грузинский флаг, но грузин я вроде не видела. Было много бело-красно-белых флагов и несколько флагов Евросоюза.

Вместе с нами палатки ставили два молодых эстонских журналиста.

Кстати, ЛОЖЬ, что это все было спланировано заранее. Я расскажу вам, как возникла идея ставить палатки и как возникла первоначальная шестерка смелых. Терять уже нечего: наши морды засняли все ведущие телеканалы Европы и гэбэшные камеры, наверное тоже. Потом из меня могут выбить показания, что всё было по-другому, но здесь я, надеюсь, успею рассказать правду.

Я снимаю квартиру вместе с Сашей и Таней. С Таней мы жили вместе еще в общежитии журфака БГУ. Иногда к нам приезжает из Сморгони Света, наша подруга по той же общежитии.

18 марта на концерте в поддержку Милинкевича Таня и Саша познакомились с двумя журналистами из Эстонии, К и С. Они ходили, спрашивали, у кого им можно переночевать, потому что не хотели идти в гостиницу. Как нам рассказал К, на границе их 3 часа допрашивал человек из КГБ. У К забрали ноутбук. Поэтому они опасались селиться официально.

Танька с Сашей привели их к нам. Мы разговаривали до поздней ночи, утром я уехала наблюдать, потом на площадь, и домой так и не вернулась. Осталась ночевать у Паши.

По тем цифрам, которые начал давать Центризбром уже вечером, становилось ясно, что нас обманули. 19 вечером к нам приехала Света. Она агитировала за Милинкевича в Сморгони, и результаты выборов на ее участках её тоже не порадовали.

Как мне рассказал Таня, ночью они сидели и говорили на кухне о том, как можно выразить свой протест. Идея палаток пришла в голову практически всем одновременно.

Самое забавное, что появилась такая идея не только у них. Мы с Пашкой в ту ночь тоже обсуждали такую возможность, но дальше обсуждения у нас дело не пошло. А у Светки с Таней — пошло. Они позвонили знакомым и ребятам из «Молодого фронта». Оказалось, что такие мысли были у многих. Им осталось просто договориться, во сколько они придут на площадь, и как протаскивать туда снаряжение.

К и С сначала удивились, потом сказали: «думайте сами, это ведь ваша страна. Мы, конечно вам поможем ставить, но нам-то проще. В крайнем случае депортируют—и всё. А у вас будут огромные проблемы.»

Светка с Таней согласились на проблемы. Так их стало четверо. Утром 20-го они позвонили нам с Пашкой, чтобы спросить у меня разрешения взять мою палаточку, спальник и рюкзак. Я, естественно, разрешила. Мы с Пашей решили, что тоже как-нибудь поучаствуем—тогда это казалось не столь серьезным делом.

Так нас стало шестеро. Не считая еще незнакомых мне ребят.

Кстати сказать, средний возраст людей на Октябрьской будет где-то мой. Года 24. Совсем молодые, студенты есть, но не все. Есть и люди постарше, в основном крепкие мужики в оцеплении. Парней больше, чем девчонок.

Итак, продолжаю свой рассказ. Нас снимали практически непрерывно, чтобы вспышки не мешали петь, я закрывала глаза. В центре лагеря, среди палаток, мы положили туристические коврики. На их середину мы сначала складывали еду и теплые вещи, потом их стало много, и мы выделили для складов две палатки. Когда я разносила по рядам горячий чай, кто-то подарил мне два букета цветов—ирисов и еще каких-то. Мы поставили их в банку. Рядом кто-то принес и поставил икону. Мы зажгли возле неё две толстые свечи. Старались эту середину держать в порядке, убирать оттуда мусор. Все-таки икона... Рядом ставили только термосы с горячим чаем, но они быстро опустошались. Мы в середине сидели мало—как только приносили горячий чай или кофе, мы разливали их в стаканчики и раздавали нашему оцеплению.

Кстати, одна из самых мерзких выдумок белорусских СМИ—то, что мы все пьяные, и в термосах нам приносят пиво. Оно и выдуманно коряво: ну какой дурак на морозе в 3 часа ночи будет пить пиво, а не горячую воду?

Впрочем, такие выдумки мы предвидели. Поэтому в палаточном городке и вокруг был полнейший сухой закон. Все прекрасно понимали: упаси Господь хоть каплю спиртного—тут же заснимут и ославят алкоголиками. Периодически народ принимался скандировать: «Я СУ-ХОЙ! Я СУ-ХОЙ!» Час в 4 утра какой-то неизвестный парень принес нам две бутылки водки. Мы хотели его отправить с ними обратно, а потом подумали: а вдруг он на самом деле не провокатор и попадется ментам? Мы эти злосчастные бутылки даже не стали открывать. Обмотали, чем могли, засунули в сумку, спрятали в палатку и завалили вещами.

Всю ночь с нами был Александр Милинкевич со своей женой. Они спускались со ступеней, приходили к нашим палаткам. Один раз им удалось протащить извне термос с горячим чаем. А двух сыновей Милинкевича задержали ночью на проспекте, когда они пытались пронести теплые вещи.

Ночью было очень холодно, особенно оцеплению, которое нас закрывало, в том числе и от ветра. Эти люди... я готова стать перед ними на колени. Они стояли в плотном кольце на морозе всю ночь, а некоторые и больше—ПО 14 ЧАСОВ И БОЛЕЕ, никуда не уходя не двигаясь с места. Ночью к нам привели совсем молодого парнишку, который был легко одет. Он едва мог говорить. Мы поили его горячим чаем, растирали ему руки, на которых не было перчаток.

Как грелись? Пели песни, скандировали лозунги, танцевали под ритм, отбиваемый на кружках. В разных краях оцепления люди время от времени тоже принимались танцевать что-то вроде средневековых круговых танцев, ритмично переступая и притопывая.

Кто-то отжимался, кто-то приседал. Несколько людей устроили пробежку вокруг кольца, стараясь быть поближе к стоящим. Они бежали с флагами, впереди был парень с российским, потом кто-то с двумя— белорусским и украинским, потом грузинский. Периодически они радостно вопили: «Молодзь за здаровы лад жыцця!» Я тоже с ними пробежалась. Здорово согревает.

Чуть позже нам пришлось решать еще одну проблему. ТУАЛЕТ, как это ни прозаично. Конечно многие люди из ближайших домов пустили бы нас к себе. Проблема в том, что туда было не пройти. Вокруг оцепления стояли люди в штатском и СОБРовцы. Были заблокированы все входы-выходы на площадь. Я видела собственными глазами, что на прилегающих к площади улицах стоят целые «караваны»-- фургончики для заключенных, автобусы с ОМОНОм. Только отойди куда-нибудь—и—«с концами».

Долго думали, как выйти из положения. Помог один парень, диггер. Практически голыми руками он вскрыл канализационный люк, с краю, ближе к дороге. Над люком поставили палатку, прорезали в ней днище. Сначала из люка сильно несло. Я ободряюще завопила окружающим:

«А вы думали, революция пахнет розами?»

и нырнула в палатку.

А по белорусском телевидению сказали, что гнусные оппозиционеры устроили себе туалет —прямо нарочно— рядом с музеем Великой отечественной войны». Смешно! Музей стоит настолько в стороне от кольца и камер журналистов, что тот, кто вздумал бы к нему наведаться, явно бы назад не пришёл.

Ещё надо сказать об одной лжи. До того нелепая и неуклюжая выдумка—и всё-таки многие люди в нее верят. Мы, как будто, стоим просто-напросто за деньги. Сначала называлась цифра 20 тысяч бел.рублей. Потом поняли, что это выглядит просто смешно и нелепо. «Подняли» нам власти «зарплату» почти в пять раз—до 50 баксов.

Боже мой! Пусти бы те, кто в это верит, пришли, да попробовали постоять под взглядами и камерами людей в штатском. 14 часов простоять, коченея на морозе, и ждать рассвета, как избавления. Радостно кричать, когда рассвело. И видеть утром, что подкрепления мало, люди просто не пробиваются. И чувствовать, как страшно редет кольцо с каждой минутой, потому что люди не выдерживают и уходят спать, а смены нет. И каждую минуту ждать штурма, избиения, провокаций. И знать, что, возможно, завтра тебя выгонят из университета или с работы, или посадят в тюрьму.

Да, утром нас стало совсем мало. Когда в 6 утра пошел по проспекту автобус №100, мы придумали вот что. Та сторона оцепления, которая была лицом к проспекту, каждый раз, когда подъезжала «сотка» становилась на колени, чтобы были видны палатки. И люди скандировали: «ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ! ДА-ЛУ-ЧАЙЦЕСЬ!» (для тех, кто не знает белорусского языка: это значит «присоединяйтесь!»). Они делали это, пока физически могли.

Мы ждали и ждали помощи, а её приходило так мало!!! Но в 9 уже стало понятно, что кольцо выстоит. Часть людей сменилась. Когда мы разносили им горячий чай и еду, они говорили: «спасибо, мы только что из дома».

В 9 утра мне стало совсем плохо. Хотелось спать и колотило от холода. Мы с Пашкой улучили момент, проскочили бегом мимо СОБРовцев и людей в штатском, рядом с которыми стояли журналисты, запрыгнули в «сотку» и уехали. А Светка и Таня остались там, третьи сутки без сна.

ЧАСТЬ 3. СПАЛЬНИК КАК ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА. Я НЕНАВИЖУ.

Поспали мы пару часов у Пашки и разъехались по работам. Так странно: ты сам уже другой, и твоя жизнь уже стремительно меняется, но всё пока идет по инерции, тишь да гладь. В редакции никто еще ничего не знал. Еще один день можно было потешить себя странной иллюзией, будто продолжается прежняя, размеренная и уютная жизнь. Странная и сладкая иллюзия, как будто из тюрьмы или с войны вернулся на полдня в прежнюю жизнь.

На работе я даже не засыпала. Отредактировала чертовски тяжелую статью, бодро разобралась с делами.

Потом поехала домой—переодеться потеплей, переобуться, а то дернул черт выйти из дома в легких весенних ботиночках. Поесть толком не успела. Решила ехать на Октябрьскую, хотя и сомневалась. По-моему,

я неслабо простудилась, к тому же очень хотелось выспаться и написать дневник. А то вдруг завтра загребут —и прощай, «продолжение следует»!

Все же решилась. Обмоталась спальником под дублёнкой, пришила спальник к свитеру и обклеила скотчем.

Взяли меня в метро на Октябрьской площади. Очень легко и просто: спальник был виден из-под дублёнки. Мне преградил дорогу милиционер, спросил документы и приказал идти с ним в опорный пункт в метро.

Там пришлось устроить вынужденный стриптиз, вынуть все из сумочки. Я старалась вести себя как можно спокойнее и доброжелательнее. Попыталась завести человеческий разговор с людьми в форме, и это у меня получалось. Офицер, который там сидел, был вообще нормальный, с ним-то мы и говорили. Этот черноглазый симпатичный дяденька на полном серьёзе спрашивал, сколько мне заплатили. Второй был совсем не такой. Он перетряхивал мою сумочку. Нашел дискеты и злобно спрашивал, что у меня там. Я спокойно сказала: «ну возьмите, посмотрите», а сама мгновенно покрылась холодным потом. У меня там были новости с сайта svaboda.org и «Мартовские дневники». Второй мент долго думал, не сломать ли мои дискеты (чего мне в тот момент хотелось больше всего). В итоге все-таки отдали. Отдали и визитку K, на эстонском языке. Не увидели, наверное, там слово «correspondent».

Мы с милицей разговаривали, я пыталась им объяснить свою позицию, дать понять, что мы—не пьяные отморозки. Милиционеры мне говорили, что сегодня ночью будет «хапун», будут людей избивать и забирать в милицию. В общем, всячески пытались запугать.

Только один раз я чуть не сорвалась—когда пришли людив штатском, гэбэшники.

Если милиционеров я могу понять и в чем-то оправдать, то этих—не-на-ви-жу! Они чем-то все похожи: одинаковые толстоватые невыразительные лица, одинаковое самодовольство и уверенность в своей безнаказанности. Одеты во что-то темное и невыразительное, и по этому их узнают.

ЭТИ были со значками, НАШИМИ значками «за свободу»! Вели они себя в отделении как полные хозяева. Один из них, тот что был повыше и поплотнее, посмотрел на мой спальник и довольно сказал: «О! Спальник! Занесу-ка я его Николаичу в машину, пусть погрееется, а то замерз уже за 4 часа.»

И тут я поняла, что мне надо крепко держать себя в руках, иначе я сорвусь.

Они лазили в моих вещах, долго смотрели паспорт. Один взял книжку братьев Стругацких, которая была в сумочке, недоуменно покрутил её в руках (меня так и тянуло сказать: это книга, её читают) и спросил: «Это что? Детектив? Мистика?»

Сначала они хотели написать протокол и отвезти меня в приёмник-распределитель на Окрестина. Но тут высокий сказал:

«Ай, ну её! Пошли к этим придуркам, а то, пока будем её возить, там в оцеплении всё вкусное съедят без нас»

И нацепил на самое видное место бело-красно-белый значок.

Такой ненависти и боли я не чувствовала еще никогда. Мне хотелось вцепиться ему в горло, этому сытому укормленному циничному борову, который нас арестовывает и с чистой совестью жрёт нашу же еду. Еду, которую таскают нам люди, рискующие сесть за это на 10 суток. Которую раздают замерзшими руками девчонки, стоящие на майдане вторые сутки без сна.

ЭТО ни забыть, ни простить невозможно. Господи, если ты есть! Отправь меня в ад, если хочешь. Но сделай одно! Сотвори чудо—чтобы следующий кусок у ЭТОГО в горле встал колом.

Это нельзя простить и забыть. Самое отвратительное, что сделала нынешняя власть, -- разделила свой народ на «чэсных» и «нячэсных». Больше части народа капитально промыла мозги. Подло оболгала перед ней самых чистых, честных и смелых, не терпящих несправедливости, не умеющих мириться со злом. А ту самую меньшую, «инакомыслящую» часть заставила в каждом встречном видеть возможного провокатора и сотрудника спецслужб. И весь народ заставили бояться и молчать. Бояться ареста, вылета с работы, избиения в темном подъезде. Бояться за себя, друзей и родных. В эти дни мне постоянно звонят знакомые и друзья, спрашивают, на свободе ли я, как себя чувствую.

Проверяют, всё ли со мной в порядке.

Если и в порядке, то ненадолго. Я не питаю иллюзий. Если сегодня меня подержали два часа и отпустили, это не значит, что наступила в стране демократия.

Им просто невыгодно поднимать шум сейчас, когда в Минске столько иностранных журналистов. Эти ребята из РЕЙТАР, Польского телевидения и прочих СМИ—только их присутствие сейчас нас защищает. Мы на свободе, пока там, на площади, стоит кольцо. Я думаю, как только все это закончится, «комитет госбезопасности припомнит наши имена». Тем более, что лица свои мы не прятали.

22 марта. ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Чуток отоспалась дома.

Я спешно заканчиваю дневники и уезжаю на площадь. Мне сыплются звонки от знакомых и родных, которые видели меня на НТВ и в «Евроньюс». Но с телефоном что-то странное, в нем какие-то шумы и щелчки. Скорее всего, нас прослушивают.

Вчера ночью нам позвонили эстонцы, К. и С. Эстонский консул попросил их срочно покинуть страну. Он сказал, что они здорово засветились рядом с нами и что «палаточников» ждут очень большие проблемы. Они просили прощения, за то, что уезжают и бросают нас.

Надеюсь, смогу отправить эти дневники в Интернет, дойду до Интернет-кафе. Отправлю, кому смогу.

Что будет завтра, не знаю. Я хочу попросить тех, кто это читает. Люди! Если вы белорусы, приходите на площадь, кто может - стойте с нами! ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Если вы живете далеко от Минска, распространите эти дневники, чтобы их прочитало максимальное число людей. Этим вы тоже очень поможете. Если не может встать рядом с нами, то хотя бы ПОМНИТЕ, как всё это было и расскажите другим.

На всякий случай всем пока!

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 4856 27.03.2006, 14:03 📌 154

URL: <https://babr24.com/?ADE=28774> Bytes: 24029 / 23987 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)